

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

У. ГЕРАКЛИДЫ.

Переводъ этой трагедіи возстановленъ наслѣдниками изъ черновыхъ набросковъ, при чемъ стихи 494—97, 970—1002 и 1049 до конца не найдены; ихъ перевелъ я.

Сверхъ того допущены измѣненія въ ст. 2—10*; 28; 34—40; 45; 59; 65; 71; 77; 95—97; 120; 147—49; 152—57; 162—65; 178; 180—89; 191—95; 211—13; 215—29*; 230—32; 236—38; 242; 250—54; 258—59; 261—64; 271—72; 278; 284—87; 305—09; 312—13; 321; 361—63; 366—70; 374; 377—80; 391; 396—98; 406—11; 413—15; 417—20; 423—26; 454—63; 474—76; 480—83; 498; 515; 526—27; 533—38; 550; 553—63; 569—70; 572—74; 577; 588—92; 601; 605—07; 642—45; 665—66; 673—75; 681—94; 700—08; 711; 727—33; 736—38; 745—47; 759—75*; 797—98; 815; 819—20; 826; 852—57; 869; 871; 962—69; 1008—19; 1021; 1024; 1026—28; 1036; 1043—1048. (Звѣздочкою отмѣчены оговоренные въ комментарий). Ремарокъ у И. Э. почти не было; мнѣ пришлось дополнить и ихъ.

Ст. 2 сл. Обычное толкованіе, „одни справедливы для своихъ ближнихъ, другіе“ и т. д. черезчуръ тривиально; но переводъ И. Э.:

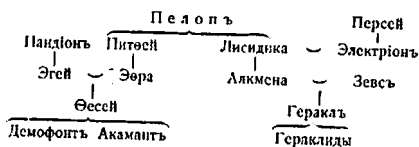
Что ближніе для справедливыхъ только
Однихъ и существуютъ—

грамматически недопустимъ. При моемъ переводѣ предполагается (согласно Эльмсли), что *τοῖς κείλοις* зависитъ отъ *κίρως* — что, полагаю я, вполне возможно. Другіе прибѣгаютъ къ конъектурамъ, чтобы возстановить тотъ же смыслъ.

Ст. 32 сл. Какъ видно изъ стиха 70, они сидятъ просителями у алтаря Zeus Agoraios, т. е. Зевса-покровителя площади, которая была мѣстомъ и народныхъ собраній, и рынковъ; согласно этому стиху всякій представилъ бы ихъ себѣ на площади села Марафона. Но какъ съ этимъ согласовать наше мѣсто, по которому выходитъ, что они, находясь въ марафонской области, подошли къ границѣ Аоніи (Ἄβητιν ὄρον)? Затрудненіе блистательно разрѣшилъ Вилаговицъ (de Euripidis Heraclidis XIV), ссылаясь на терминъ „пограничная площадь“ (ἀγορά ἰφορία), объясненный въ

рѣчи Демосѳена противъ Аристократа (§ 39). Она служила для совместныхъ склотовъ жителей смежныхъ областей. Еврипидъ хотѣлъ обратить мараѳонское преданіе объ оказанной Гераклидамъ помощи въ славу самихъ Аѳинъ—въ противоположность спартанцамъ, которые, считая его специально мараѳонскимъ, щадили изъ благодарности Мараѳонъ, опустошая въ то же время прочую Аттику. Онъ представляеть поэтому мараѳонское Четырехградіе, такъ сказать, въ личной уѣнѣ съ Аѳинами; надъ обоими областями властвовали Тесиды, но жили они все-таки въ Аѳинахъ. На крикъ Гераклидовъ приходятъ и поселенцы изъ Мараѳона, и Демосѳонъ съ Акамантомъ изъ Аѳинъ.

Ст. 37. Родственная связь Тесидовъ съ Гераклидами подробнѣе развѣшается ниже ст. 207 сл.; на основаніи этого мѣста, а также и прочей мифологической традиціи, получается слѣдующая генеалогія:

Ст. 45—47. Предположеніе не сбывается, все же это не рудиментарный мотивъ. Поэту необходимо было удалить Гилла и вообще взрослыхъ сыновей Геракла, такъ какъ при ихъ наличности роль старца Іолая была бы излишней (см. ст. 713) и вся „Гикесія“ потеряла бы свою трогательность.

Ст. 49. Этого глашатая рукописная традиція называетъ Копреемъ. Въ текстѣ Еврипида это неприличное имя (отъ *κόπρος* „навозъ“) не встрѣчается, какъ это и понятно; но что поэтъ тѣмъ не менѣе имѣлъ въ виду его, видно изъ сопоставленія нашего мѣста съ *locus classicus* о Копрѣ въ *Иліадѣ* XV 638 сл. (Глѣд.):

Онъ (т.-е. Гекторъ) поразилъ Перифета,
Храбраго сына Копрея, того, что, служа Еврисею,
Вѣстникомъ часто ходилъ отъ тирана къ Гераклу-герою.
Сей-то шчотожный отецъ родилъ знаменитаго сына.

Ст. 176. Намекъ на современность ясенъ и всѣмъ признанъ; все же было бы, думается мнѣ, неправильно относить его къ определенному событію (напр., союзу съ Коркирой противъ Коринѳа). Скорѣе здѣсь характеризуется вся аѳинская политика, приблизительно такъ же, какъ въ надгробной рѣчи Перикла у Фукидида II 40: „Мы приобретаемъ друзей тѣмъ, что оказываемъ имъ благодѣянія, а не тѣмъ, что требуемъ таковыхъ отъ нихъ... мы одни помогаемъ людямъ не въ расчетъ на пользу, а съ той безстрашной самоувѣренностью, которую внушаетъ сознаніе нашей свободы“.

Ст. 185 сл. Право гражданина путемъ изгнанія уклоняется отъ казни было въ древности общепризнаннымъ—правда, только до судебного приговора. Гераклиды, какъ видно изъ ст. 13 и 141, были аргивянами (или микенцами; для нашей трагедіи это равнозначащія слова) присуждены къ смерти; ушли ли они до или послѣ приговора, это поэтъ оставилъ подл сомнѣніемъ. Въ первомъ случаѣ они были для Аргоса изгнанниками, и Юлай вполне правъ. Во второмъ случаѣ они были бѣглецами, и Копрей могъ ихъ требовать обратно; но такъ какъ они нашли убѣжище у алтарей аѳинскихъ боговъ, то они не могли быть ему выданы безъ предварительнаго судебного разбирательства въ Лемнахъ—это и есть тотъ путь правды, который Демофонъ открываетъ Копрею ст. 251 сл. Въ обоихъ случаяхъ самосудъ Копрея былъ незаконнымъ.

Ст. 193 сл. Трахиня надъ Фермопилами далъ пріютъ семьѣ Геракла послѣ его изгнанія изъ Тиринна, вызваннаго убійствомъ имъ его кунака Ифита (это самое убійство, повидному, было также причиной осужденія его дѣтей, какъ наследниковъ его проклятія; другую, по крайней мѣрѣ, трудно придумать). Онъ же былъ мѣстомъ также и его собственной смерти, описанной Софокломъ въ его „Трахинянкахъ“. Объ его значеніи для традиціи о Гераклидахъ ср. Введ. стр. 6.

Ст. 215. Переводъ данъ по тексту Марри, справедливо принявшаго конъектуру Кирхгоффа $\varphi\eta\delta\iota\text{---}\mu\eta\tau\eta\iota$ вм. рукописнаго $\varphi\eta\delta\iota\text{---}\mu\eta\tau\eta\epsilon$. Удерживая рукописное чтеніе, И. Ф. переводитъ:

Отецъ ихъ говорилъ,
Что у Эсея былъ въ оруженосцахъ
И помогаль убійственный ему
Добытъ онъ панцырь.

Это, однако, неправильно. Добытіе волшебнаго пояса амазонской царицы (своего рода амулета противъ ранъ) было однимъ изъ двѣнадцати подвиговъ Геракла; роль Эсея, признаваемая не всѣми вариантами, была второстепенной. Согласно автору киклическихъ „Ностовъ“, они вмѣстѣ осадили амазонскую столицу Эмискиру; она была взята благодаря тому, что Эсей влюбилъ въ себя одну изъ амазонокъ, Антиопу, которая и открыла ему ворота. За это Гераклъ по взятіи города подарилъ ея Эсею, которому она родила Ипполита. Добытый поясъ былъ данъ Еврисеевой дочери Адметъ; на что онъ ей пригодился, неизвѣстно. О себѣ Юлай упоминаетъ какъ о свидѣтелѣ; этииъ словамъ соотвѣтствуютъ въ слѣдующемъ пунктѣ слова: „такъ молвить вся Эллада“.

Ст. 218. Объ освобожденіи Эсея Геракломъ изъ ада см. трагедію „Гераклъ“ и введеніе къ ней, а также въ VI г. трагедію „Периоидъ“.

Ст. 223 сл. Это мѣсто въ рукописяхъ сильно испорчено; переводъ данъ по смыслу. Предшествующіе ему ст. 221—222, представляющіе собой почти дословное повтореніе ст. 97—98, обыкновенно признаются подложными; Вилламовицъ (Hermes XVII 349 сл.) доказалъ, что именно здѣсь

они подлинны, почему я ихъ и возстановилъ. Въ народѣ онъ считаетъ ихъ вставкой редактора; но такъ какъ онъ самъ признаетъ, что выключить ихъ уже нельзя, то пришлось ихъ оставить и тамъ.

Ст. 233 сл. „Наслѣдственность и судьба“ — одинъ изъ любимыхъ предметовъ размышленія для Еврипида. Свой пессимизмъ онъ беретъ назадъ ст. 297 сл.

Ст. 320 сл. Еврипидъ вспоминаетъ о трогательномъ мѣстѣ въ Одиссеѣ (п. XI 506 сл.), гдѣ Одиссей утѣшаетъ тѣнь Ахилла рассказомъ о подвигахъ его сына Неоптолема. Это одно изъ замѣчательныхъ мѣстъ для оцѣнки греческой религіозности.

Ст. 377. Толкованіе этихъ словъ сомнительно, особенно поскольку оно касается стиха τὴν εἰς χερσὶν ἔουσεν; неясно, говорится ли здѣсь о богиняхъ изыщества или объ умѣннн быть благодарнымъ (последнее — мнѣніе Виламовица, Негл. XVII 347).

Ст. 399. Здѣсь говорится объ обычныхъ жертвахъ (καλλίεργα), посредствомъ которыхъ передъ битвой вопрошались боги, слѣдуетъ ли нападать или защищаться; онѣ соотвѣтствовали римскимъ ауспиціямъ. Животныя у Еврипида не названы, но обыкновенно для этой цѣли брали козъ.

Ст. 403. Эта консультація вѣщателей была введена Еврипидомъ въ мѣстѣ приказа элевсинскихъ богинь, вызваннаго убійствомъ Копрея; см. выше стр. 24.

Ст. 451 сл. И это эскизъ къ „Гекубѣ“. Такъ же и тамъ старая царица предлагаетъ, чтобы ею замѣнили ея обреченную дочь, и слышитъ отъ Одиссея такой же отказъ (ст. 383 сл.).

Ст. 588 сл. Макарія думаетъ про себя: „ты въ душѣ желаешь, чтобы я пожертвовала собою и этимъ спасла васъ всѣхъ, но не рѣшаешься мнѣ это сказать ясно, чтобы не стать виновникомъ моей смерти и не навлечь на себя проклятіе родственной крови. Не бойся же: я умираю исключительно по собственному почину“. Правильность этого моего толкованія доказываетъ параллельное мѣсто „Геракль“ 721; древніе были въ этомъ отношеніи очень щепетильны. Конъектуры Виламовица (Hermes XVII 343) считаю излишними.

Ст. 560 сл. Она хочетъ сказать: „Будь при мнѣ въ минуту моей смерти, не для утѣшенія — я и такъ не боюсь, — а потому, что тебѣ, какъ старцу, приличнѣе покрыть ризами бездыханное женское тѣло, чѣмъ молодымъ воннамъ“ (эскизъ къ Гек. 569 сл.).

Ст. 596. Предположенную здѣсь пантомиму необходимо допустить по слѣдующей причинѣ. Объявляя раньше о своемъ рѣшеніи пожертвовать собою, Макарія сказала ст. 529 καὶ στήθεσσι καὶ χερσὶν ἑσθλῶν, т. е. „украстье меня вѣнкомъ и повязкой и принесите богинѣ начатки моего тѣла“ — а именно прядь волосъ, что было предвареніемъ самой жертвы (ср. Алк. 74, гдѣ употребленъ тотъ же глаголъ). А въ слѣдующей рѣчи Іолая ст. 601 на этотъ обрядъ намекается, какъ на совершенный уже: σὺ κατὰ τὸν νόμον. Итакъ, онъ имѣлъ мѣсто именно здѣсь.

Ст. 601. О пропавшемъ послѣ этого стиха актѣ см. выше стр. 22. Изъ него въ цитатахъ позднѣйшихъ авторовъ сохранились слѣдующіе стихи (въ изданіи Марри послѣ текста „Гераклидовъ“):

I.

Вѣдь кто при жизни чтить его родившихъ,
Тотъ и живой и мертвый милъ богамъ.
А кто отцу отказываетъ въ чести,
Тотъ да не будетъ ни въ молитвѣ миѣ
Сообщникомъ, ни спутникомъ на судиѣ.

Повидимому, заключительныя слова разсказа (Демофонта?) о смерти Макарина.

II.

Три доблести превыше всѣхъ, мой сынъ,
Цѣнить ты долженъ: чтить боговъ безсмертныхъ—
Родителямъ почтенье воздавать—
И соблюдать законъ Эллады общій.
Такъ поступай—и ты вѣнецъ стяжаешь
Неразрушимой славы навсегда.

Изъ обращенія (въ подлинникѣ τίμων, такъ же какъ ст. 381 ὦ πατήρ) видно, что эти слова говоритъ старикъ молодому (женщины исключены ст. 5)—т.-е. Юлай Демофонту. Въ нихъ онъ, повидимому, подводилъ итогъ происшедшему.

III.

Ахъ, быть закланной—страшно, хотъ и славно;
Уйти отъ смерти—трусость, но и сладость.

Повидимому, изъ предсмертнаго слова Макарина, которое Демофонтъ могъ включить въ свой разсказъ, такъ же какъ это дѣлаетъ и Талонбій Гек. 563 съ предсмертнымъ словомъ Поликсены.

IV.

Про потѣшный стихъ Аристофана изъ „Всадниковъ“ 214: „Ты лишь муги да колбасы дѣла“ схоластъ замѣчаетъ, что онъ—„пародія на стихъ изъ Гераклидовъ Еврипида“. Такъ какъ въ нашемъ текстѣ такого стиха нѣтъ, то придется допустить, что онъ стоялъ въ пропущенномъ актѣ. „Всадники“ были поставлены въ 424 г.; значить „Гераклиды“ раньше—чѣмъ подтверждается данная во введеніи (стр. 35) датировка.

Долженъ прибавить, что гипотеза, согласно которой пробѣлъ начинается послѣ 601 ст., принадлежитъ миѣ; ея достоинство въ томъ, что она упраздняетъ гипотезу о коренной передѣлкѣ, необходимую для тѣхъ, кто ставитъ пробѣлъ послѣ ст. 629 (какъ это дѣлаютъ Кирхгоффъ, Наукъ, Виламовицъ, Марри и др.). Главное основаніе у Виламовица то, что въ

ст. 602 сл. (т.-е. по Кирхгоффу и др. въ концѣ второго дѣйствія) Юлай бросается на землю, а въ ст. 633 сл. (т.-е. въ началѣ четвертаго дѣйствія) слуга находитъ его на землѣ: не могъ же онъ на ней пролежать въ теченіе всего третьяго дѣйствія. При моей гипотезѣ эта несообразность устраняется. Правда, Вилаговецъ приводитъ и другія соображенія въ пользу своей гипотезы о коренной передѣлкѣ, но они всѣ довольно субъективны.

Ст. 639. Точнѣе: „пенестъ Гилла“. Пенестами назывались крѣпостные крестьяне въ Эссалии (а, значитъ, и въ Трахинѣ), соотвѣтствовавшіе спартанскимъ илотамъ. Ихъ брали и на войну — нашего пенеста надо представить себѣ легковооруженнымъ.

Ст. 661. Такой же озабоченный вопросъ, какъ и въ „Трахиницахъ“ Софокла ст. 192.

Ст. 661 сл. Здѣсь испослѣдовательность; выше ст. 45 цѣль Гиллова ухода была представлена иначе. Не вижу возможности удовлетворительно объяснить это противорѣчіе. Войско Гилла состоитъ отчасти изъ его пенестовъ, отчасти изъ (неизвѣстно, откуда взятыхъ) союзниковъ.

Ст. 673. Это гдѣ жертвы, о которыхъ говорилось ст. 399. Ср. о нихъ ст. 821 и комментарий къ этому мѣсту.

Ст. 695 сл. О доспѣхахъ въ храмѣ сказано и Андр. 1121 сл. Въ историческое время со щитовъ снимали рукоятки; эгимъ ихъ „приводили въ негодность“. Это дѣлалось по причинамъ внутренней политики; Еврипидъ могъ предполагать, что въ героическую эпоху поступали иначе. Это мѣсто не лишено нѣкоторой демонстративности; повидному, вопросъ о допустимости или недопустимости употребленія посвященнаго богамъ оружія волновалъ умы. (См. Лив. XXIV 21, 9).

Ст. 708 „Не видать тебѣ юности дважды“, такъ же какъ и богоборческій вздохъ Алкмены ст. 718, готовятъ чудо богоявленія въ слѣдующемъ дѣйствіи.

Ст. 740 сл. Походъ Геракла съ Юлаемъ изъ Спарты выбранъ среди многихъ потому, что въ эпоху постановки „Гераклидовъ“ Афины вели войну именно съ ней. Состоялся онъ по слѣдующему поводу. У стариннаго спартанскаго царя Эбала было трое сыновей: Иппокоонтъ, Тиндарей и Икарій. Изъ нихъ Иппокоонтъ, старшій, но рожденный отъ наложницы, не имѣлъ права на престолонаслѣдіе; тѣмъ не менѣе онъ, гордый большимъ числомъ своихъ сыновей, изгналъ Тиндарея и занялъ престолъ. Тиндарей обратился за помощью къ Гераклу, у котораго были и другіе поводы вражды съ Иппокоонтомъ и его сыновьями. Въ первомъ бою Иппокоонты побѣдили; палъ Ификлъ, братъ Геракла и отецъ Юлая, и самъ Гераклъ былъ раненъ. Но во второмъ бою они были разбиты, при чемъ самъ Иппокоонтъ и его сыновья (по другому варианту, десять изъ двадцати его сыновей) погибли. Престолъ былъ возвращенъ Тиндарею. — Участіе Юлая въ этомъ походѣ засвидѣтельствовано также вазой Британскаго музея (№ 481).

Ст. 748. „Лампада ночей“—въ подлинникѣ точнѣе: „свѣтящая всю ночь луна“—, полная луна“. День дѣйствія трагедіи отождествляется съ днемъ ея представленія, который приходился какъ разъ въ полнолуніе. То же у Софокла въ II. Э. 1090 и Трах. 824; ср. мой комментарий къ этимъ мѣстамъ.

Ст. 770—783. Переводъ этой второй пары строфъ особенно удаляется отъ подлинника влѣдствіе того, что И. Э. пожелалъ передать ихъ рифмованными стихами. Начало строфы у него такъ гласило:

А ты, о дивная! Твои
Земля и городъ, мать Аѳинъ,
Ты имъ и стражъ и властелинъ,
Царя надменнаго гони!

Не сомнѣваюсь, однако, что при пересмотрѣ этого наброска „властелинъ“ въ прихвѣненіи къ Аѳинъ и рима „твои—гони“ и ему показались бы недопустимыми. Все же считаю полезнымъ для интересующихся религіозно-историческимъ содержаніемъ этой пѣсни—оно очень замѣчательно—дать здѣсь ея точный прозаическій переводъ. „Ты же, о могучая—твоя вѣдь почва земли, твой и городъ, его же ты мать, владычица и стражъ—направь по иному пути его, который несправедливо ведетъ сюда копыенное войско изъ Аргоса; несправедливо вѣдь, чтобъ я за свою добродѣтель былъ изгнанъ изъ жилища. Тебѣ вѣдь всегда нравится многожертвенная почестъ, и не проходитъ неотмѣненнымъ ущербный день (τρίτης ἡμέρας) мѣсяцевъ, (тебѣ нравятся) гимны юношей и пѣсни хороводовъ; а на воздушномъ холмѣ раздаются славословія подъ всеночный шумъ дѣвичьихъ ногъ“. Сама богиня здѣсь не названа; обыкновенно понимаютъ Аѳину—такъ и И. Э. перевелъ—по Вилламовицъ (Hermes XVII 357) затрудняется допустить, чтобы ее можно было назвать „матерью“. Самъ онъ склоненъ писать Μῆτηρ и относить молитву къ матери-Землѣ. О культѣ таковой въ „ущербный день“ (т.-е. день, когда луна на ущербѣ) ничего не извѣстно; да, отвѣчаетъ онъ, по вѣдь и о такомъ ежемѣсячномъ культѣ Аѳины мы тоже не знаемъ. Съ этимъ я согласиться не могу: если поэтъ хотѣлъ, чтобы подъ владычицей и стражемъ Аѳинъ разумѣли не Аѳину, то онъ долженъ былъ выразиться яснѣе. Съ другой стороны, мы знаемъ, что днемъ рожденія Аѳины считался „третій ущербный“, τρίτη ἡμέρα (что, конечно, признаетъ и Вилламовицъ); а при обычаѣ древнихъ грековъ праздновать крохѣ годовщины и мѣсяцевщины мы можемъ быть увѣрены, что и ежемѣсячный третій ущербный день „не проходилъ неотмѣненнымъ“.

Ст. 784. Собесѣдника Алкмены рукописи называютъ слугою; это правильно. Царица ст. 788 обѣщаетъ ему свободу за его „благую вѣсть“, о каковомъ обѣщаніи онъ ей напоминаетъ ст. 890; стало быть, это лицо подневольное, пенестъ Гилла (выше къ ст. 639). Возраженіе, что въ такомъ случаѣ не Алкмена, а только Гилла могъ бы его освободить, не имѣетъ значенія; въ отсутствіи внука правомощна бабка, это и само со-

бою понятно и подтверждается Андр. 585 сл. (гдѣ особенно интересно ограниченіе).

Ст. 793. Въ этомъ стихѣ трудность. Въ рукописяхъ онъ гласитъ ὁ μὴ γέρων οὐκ ἔστιν Ἰόλαιος ἔδε; г.-е. „а это не старецъ ли Іолай?“ Такъ какъ ἔδε обыкновенно (но все же не обязательно) употребляется о присутствующихъ, то Марри, сохраняя рукописную редакцію, предполагаетъ, что въ торжественномъ шествіи появлялся и помолодѣвшій Іолай, соблюдавшій однако молчаніе, какъ Алкеста послѣ воскресенія (ст. 1143). Все же онъ видитъ въ этомъ—вѣроятно, вслѣдствіе противорѣчія со ст. 936—повиновеніе позднѣйшихъ актеровъ, на произволь которыхъ жалуются и сходятъ на Ореста ст. 57. Эмсли измѣняетъ традицію: ὁ μὴ γέρων οὐκ ἔστιν Ἰόλαιος ἔτι, и во всякомъ случаѣ таковымъ должно было быть первоначальное чтеніе. Оно и легло въ основу перевода.

Ст. 805. Послѣ этого стиха Марри повидимому правильно устанавливаетъ пробѣлъ; вслѣдствіе этого не ясно, означаетъ ли ст. 806 „и ты не долженъ вредить микенской землѣ, лишая ее мужей“ или, какъ перевелъ Н. О., „и ты не повредишь микенской землѣ, лишая ее одного мужа“.

Ст. 821 сл. Это одна изъ самыхъ отчаянныхъ scenes нашей трагедіи. Рукописный текстъ означаетъ въ буквальномъ прозаическомъ переводѣ: „... (гадатели) стали закалывать, и уже не медлили, но тотчасъ испускаютъ благопріятную кровь изъ человѣческаго (φροστίω) горла“. Т.-е. Макарин*, добродушно замѣчаетъ В. Бауеръ въ своемъ жиденькомъ комментаріи. Другіе (и гл. обр. Виламовицъ) справедливо возмущались противъ идеи, чтобы поэтъ могъ такъ сухо и холодно здѣсь говорить о такомъ центральномъ, патетическомъ событіи, какъ жертвоприношеніе дочери Геракла. Къ тому же, какъ правильно замѣтилъ тотъ же Виламовицъ, здѣсь разумѣется обычная ауспичіальная жертва передъ сраженіемъ—та же, на которую намекается и въ ст. 399 и 673,—а не такая чрезвычайная, какъ искупительная жертва Макарин. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что φροστίω—искаженіе, внесенное въ текстъ уже послѣ того, какъ былъ пропущенъ первоначальный третій актъ; какой-нибудь читатель удивился, не находя нигдѣ намёка на смерть Макарин, и вставилъ его, гдѣ могъ. Переводъ восстанавливаетъ предположительное содержаніе первоначальнаго текста.

Ст. 826. Красивое развитіе этой красивой мысли Еврипидъ могъ услышать отъ Эсхила Семь пр. О. 16 сл.

Ст. 830. О тирренской (т.-е. этрусской) трубѣ ср. Софокль Аянтъ 17 съ моимъ комментариемъ.

Ст. 834. Это отступленіе аѳинскаго войска, думается мнѣ, не простая прикраса, а черта основного преданія объ этой мараѳонской битвѣ. Голова была отсѣчена Еврисею у источника Макарин; это возможно только въ томъ случаѣ, если аѳиняне сдали свою первую позицію и теперь добываютъ ее вновь.

Ст. 846. Первый подвигъ Іолая, еще не чудесный—тотъ, что онъ вы-

ступаетъ какъ возница Гилла. При жизни отца его, Геракла, онъ иль его возницей и прославился какъ таковой.

Ст. 848. Этими словами Еврипидъ какъ бы снимаетъ съ себя отвѣтственность за то, что онъ рассказываетъ о чудѣ; здѣсь сказанъ скептикъ.

Ст. 854. Очень интересное въ религіозно-историческомъ отношеніи мѣсто. Боги появляются въ видѣ звѣздъ; для Греціи это представленіе было новостью, объясняемою распространеніемъ пивагорейскаго ученія. Платонъ закрѣпилъ его въ своемъ „Тимей“.

Ст. 878 сл. Рудиментарный мотивъ; по подлинной традиціи Евриссеей былъ дѣйствительно убитъ Иолаемъ или Гилломъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ ст. 881 заключается язвительный намекъ: „по-моему“ — такъ говоритъ родоначальница спартанцевъ.

Ст. 920 сл. О покровительствѣ, которое Лейна оказывала Гераклу, см. Софокль III стр. 27 сл.

Ст. 928. Напрасно Марри и другіе измѣняютъ рукописное свидѣтельство, согласно которому собесѣдникъ Алкмены въ этой сценѣ— „вѣстникъ“ (ἄγγελος), и отождествляютъ его со слугою (δούλος) обонхъ предыдущихъ дѣйствій. Рѣшеніе вопроса зависитъ отъ распредѣленія ст. 961 сл.; по-моему несомнѣнно, что здѣсь говорятъ, какъ этого требовалъ Тирритъ, „вѣстникъ“ и Алкмена (а не хоръ и вѣстникъ, какъ помѣчаютъ рукописи, и не хоръ и Алкмена, какъ помѣчаетъ Марри). Слово „убить его запрещаютъ владыки этой страны“ (ст. 964) хоръ произнести не могъ—онъ этого не зналъ, знать это могъ только тотъ, кто пришелъ отъ войска, т.е. именно вѣстникъ. А если онъ говоритъ отъ имени Лейны, то, конечно, онъ не могъ быть пенестомъ Гилла. Есть и другія соображенія; но это главное.—Со слѣдующей сценой интересно сравнить сцену королевы Маргариты съ ильнимъ герцогомъ Йоркскимъ у Шекспира („Генрихъ VI“ часть третья, д. I сц. 4); сходство поразительно.

Ст. 974. Мнѣ кажется, уходить вѣстника необходимо допустить именно послѣ этого стиха. Отнынѣ его замѣняетъ хоръ; свою точку зрѣнія, гораздо болѣе синсходящую къ метительности Алкмены, онъ заявляетъ съ первыхъ же словъ ст. 981 сл.

Ст. 987. Рождство Евриссея съ Алкменой выяснитъ слѣдующая генеалогическая схема:

Изъ нея явствуеъ также, до какой степени неправдоподобнымъ было изображать Іолая престарѣлымъ противникомъ цвѣтущаго годами Еврисея. Но тутъ ничего не подблаетъ: поэты иногда считаются съ генеалогіями, иногда же и нѣтъ, и противорѣчій на этой почвѣ получается множество.

Ст. 1006 потѣшно пародируетъ Аристофанъ въ „Осахъ“ (поставленныя въ 422 г.) ст. 1160—новое доказательство достовѣрности принятой выше (стр. 35) хронологіи, а также и популярности нашей трагедіи.

Ст. 1028. Героизація челоѡка обыкновенно происходила по приказанію дельфійскаго бога, который вѣщаетъ рѣшенія Зевса или, что одно и то же, рока (ст. 1038).

Ст. 1037. Такое же затрудненіе, какъ и въ Гекубѣ ст. 1268. Его разрѣшеніе здѣсь интересно.

Ст. 1040. Это значитъ: мѣсто могилы Еврисея было приблизительно извѣстно, но культа онъ не имѣлъ. Какъ это объяснить, это другой вопросъ; но ужъ конечно не предположеніемъ, что Еврипидъ выдумалъ могилу Еврисея у храма Паллены—мы вѣдь видѣли, какую трудность для него представляла эта традиція.

Ст. 1050. Чтеніе рукописей—*хеліа*—здѣсь сомнительно: не потому, что угроза отдать трупъ Еврисея псамъ противорѣчитъ выраженному въ ст. 1023 намѣренію Алкмены вернуть его его друзьямъ—эта готовность упрямлена предложеніемъ самого Еврисея ст. 1028, основаннымъ на оракулѣ Феба и поэтому непреложнымъ,—а потому, что она противорѣчитъ этому самому оракулу. „Отдать трупъ псамъ“ значитъ оставить его безъ похоронъ; а между тѣмъ похороны были условіемъ той благодати, которую Еврисей обѣщаль Аеннамъ и которой Алкмена кощунственно подкупаетъ хоръ. Марри удерживаетъ чтеніе рукописей, утверждая со ссылкой на Страбона IX р. 377, что онъ въ дѣйствительности былъ растерзанъ. Но онъ ошибается: Страбонъ вовсе не говоритъ о растерзаніи, а только о томъ, что голова Еврисея была похоронена отдѣльно въ Трикорнѣѣ (выше стр. 9). Я принялъ поэтому консктуру Гаусмана *χόμεν* и перевелъ въ соотвѣтствіи съ ней.

VI. ГЕРАКЛЪ.

Переводъ и вступительная статья (въ видѣ послѣсловія) были напечатаны покойнымъ въ его петроградскомъ изданіи стр. 351—448. Статья здѣсь перепечатывается съ небольшими измѣненіями и сокращеніями, коснувшимися гл. обр. стр. 415, 418—19, 421, 425 и 436 оригинала. Нѣкоторые пункты, вошедшіе въ ея содержаніе, подверглись параллельной обработкѣ въ моемъ введеніи къ „Трахинянкамъ“ Софокла (Софоклъ III 3 сл.). Здѣсь считаю полезнымъ, въ дополненіе къ статьѣ И. Э., вкратцѣ изложить доеврипидовскую исторію мѡза о Гераклѣ-дѣтоубицѣ.

Рис. 7. Мегара и Гераклиды.

Прежде всего замѣчу, что читатель еврипидовскаго „Геракла“ долженъ совершенно забыть о только что названной трагедіи Софокла: Мегара исключаетъ Деяниру, точно такъ же какъ Медея у Еврипида исключаетъ Иппсипилу. Для еванцевъ Амфитрионъ былъ мѣстнымъ героемъ, такъ же какъ и Юлай; какъ къ нимъ присоединился Гераклъ, мы сказать не можемъ. Въ эпоху расцвѣта эпической поэзіи, уже послѣ перенесенія Геракловой саги въ Аргосъ, раченіемъ аэдовъ состоялся компромиссъ между Фивами и Аргосомъ: мнѣ о рожденіи Геракла остался за Фивами, центромъ его подвиговъ сталъ Аргосъ. Возникъ вопросъ: какииъ же образомъ Гераклъ, будучи по рожденію еванцемъ, тѣмъ не менѣ свои великія дѣла совершилъ, отправляясь изъ Аргоса? Для разрѣшенія такихъ вопросовъ у аэдовъ было одно излюбленное средство: герой долженъ былъ покинуть родину, запятнавъ себя родственною кровью. Такъ возникъ мнѣ о Гераклѣ-дѣтоубійцѣ. Само собою понятно, что благочестивый герой могъ совершить такое дѣло лишь въ припадкѣ безумія; отсюда представленіе о „несистовомъ Гераклѣ“. Это безуміе, какъ и всѣ постигшія Геракла злоключенія, было объяснено враждою Геры, божественной супруги его незаконнаго отца Зевса. Пришлось дать Гераклу супругу; ее нарекли именемъ Мегары, знаменующей притязаніи еванцевъ на сосѣднюю мегарскую область. Разумѣется, она была ца-

ревной; ся отцомъ былъ поэтому Крсонгъ, каковое имя значить просто „царь“. Таковой ее знаетъ уже Одиссея (XI 269 сл.). Такъ какъ мнѣ о дѣтоубійствѣ Геракла долженъ былъ мотивировать его переселеніе въ Аргось, центръ его подвиговъ, то его первоначальнымъ мѣстомъ была юность Геракла. Послѣ ужаснаго дѣла бракъ съ Мегарой былъ расторгнутъ: уходя изъ Фивъ, Гераклъ выдалъ ее за Юлая. Такимъ образомъ, ничто не мѣшало Гераклу позднѣе жениться вторично на Деянирѣ—по эпосу и хроникамъ (но не по Еврипиду) это вполне возможно.

Какъ убилъ Гераклъ своихъ дѣтей? По первоначальной традиціи (засвидѣтельствованной для насъ Ферекидомъ fr 30 M. и воспроизведеннымъ стр. 134 вазовымъ рисункомъ Астея и восходящей, вѣроятно, къ Стесихору) онъ бросилъ ихъ въ огонь. Вейль (*Études sur le drame antique* 189) видитъ у Еврипида ст. 244 реминисценцію (по моему терминологич. рудиментъ) этой черты; быть можетъ, скорѣе слѣдуетъ признать такой рудиментъ въ жертвоприношеніи Геракла, во время котораго онъ у Еврипида убиваетъ дѣтей.

Какъ бы то ни было, уже киклическія Кипріи, какъ видно изъ экскерпта Прокла, содержали разсказъ Нестора о безуміи Геракла; подробности, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Точно такъ же мы знаемъ, что, кромѣ Стесихора, и карійскій эпическій поэтъ Паніассидъ (ок. 500?) въ своей „Гераклеѣ“ говорилъ о дѣтоубійствѣ Геракла, при чемъ подробностей мы опять-таки не знаемъ.

Все же настало время, когда идея дѣтоубійства, придуманная съ ученою цѣлью, стала невыносима для поклонниковъ богочеловѣка; и вотъ мы видимъ, что Пиндаръ, реформаторъ греческой мнѣологіи съ нравственной точки зрѣнія, ее устраняетъ. Въ Фивахъ у Электрннхъ воротъ приносили заупокойные дары „въ честь восьми погибшихъ мѣдиобронныхъ синовей, которыхъ родила Гераклу Креонтова дочь Мегара“ (Isthm. III 105). Погибшихъ—отъ кого? „Лисимахъ, — поясняетъ схолиастъ (т.-е. позднѣйшій т. наз. киклогграфъ, сочинитель свода греческихъ мнѣовъ), — говоритъ, что согласно нѣкоторымъ они были убиты не Геракломъ, а какими-то иностранцами, а согласно другимъ—Ликомъ“. Этого изъ выписанныхъ словъ Пиндара нельзя было вывести, но вѣдь они—не болѣе какъ намекъ на другой, болѣе обстоятельный, намъ не сохранившійся разсказъ эвнанскаго поэта. А впрочемъ и здѣсь эпитетъ „мѣдиобронный“ исключаетъ идею о „дѣто“-убійствѣ.

Но съ устраненіемъ дѣтоубійства Пиндаръ и его единомышленники опять попадали въ первоначальный тупикъ: какъ же объяснить, что эвнанецъ Гераклъ очутился въ Аргосѣ? Какъ они изъ него вышли, мы не знаемъ, но вѣроятно, что мотивировка Еврипида ст. 19 сл. принадлежитъ уже имъ. Заключая съ Фивами компромиссъ, Аргось уступилъ имъ только рожденіе Геракла, но не его родителей: они (т.-е. Амфитріонъ съ Алкменой) были аргосцами—внуками Персея. Но какъ же они попали въ Фивы?

вы? Опять старая отмычка: Амфитрионъ запятналъ себя родственной кровью, убивъ своего дядю Электріона, отца Алкмены. Такъ-то онъ былъ изгнанъ, и престоломъ завладѣлъ Евриссеей. Вотъ и прекрасно: теперь все понятно. Гераклъ, выросши, пожелалъ вернуться въ Аргосъ; Евриссеей поставилъ условіемъ возвращенія исполненіе двѣнадцати подвиговъ.

Еще оставалось включить Геракла съ Мегарой въ родословную эвнанскихъ царей. Звеномъ долженъ былъ служить отецъ Мегары Креонтъ. Отождествить его съ братомъ Іокасты было очень нетрудно: Гераклъ былъ признанъ современникомъ Эесея, Теламона и другихъ старшихъ богатырей, при жизни которыхъ состоялся походъ Семи противъ Энивъ, покончившемъ раньше троянской войны. Итакъ, дѣйствіе нашего міва примыкаетъ къ дѣйствію „Антигоны“—правда не Софокловой, а той болѣе древней, о которой говорилось въ „Аргіадѣ“ Эсхила (Софокль II 322). Креонтъ, избранный царемъ послѣ взаимобійства Этеокла и Полиника, послѣднихъ изъ рода Эдипа, рѣшилъ наказать смертью свою невѣстку Антигону, похоронившую Полиника вопреки запрету старѣйшинъ во время междуцарствія. За осужденную вступается Гераклъ, ему удается совершить дѣло мира въ царской семьѣ. Въ благодарность онъ получаетъ Мегару, дочь Креонта.

Таковъ былъ матеріалъ, имѣвшійся въ распоряженіи Еврипида впервые давшего драматическую обработку міву о дѣтубійствѣ Геракла. Поправку Пиндара онъ отвергнулъ, вернувшись къ магистралу; и онъ ввелъ другія измѣненія, подсказанныя ему его чутьемъ какъ трагическаго поэта. Во-первыхъ, онъ измѣнилъ время: дѣтубійство онъ пріурочилъ не къ началу, а къ концу подвижнической жизни Геракла. Этимъ онъ создалъ нѣкоторыя хронологическія затрудненія—въ его эпоху, впрочемъ, мало ощутительныя, такъ какъ тогда поздніе браки мужчинъ были въ обычаѣ. Нечего говорить, что патетичность трагедіи отъ этого увеличивается: при этихъ условіяхъ невольное дѣтубійство—не несчастіе юности, заглаженное позднѣйшими подвигами, а нѣчто неисправимое, разрушеніе всѣхъ плодовъ многотрудной жизни.—Во-вторыхъ, онъ отгнѣилъ трагичность дѣтубійства трогательнымъ чадолюбіемъ своего героя: этихъ своихъ дѣтей, на убійство которыхъ его подвинула вражья сила—ихъ онъ только что спасъ. Послѣднимъ его подвигомъ былъ спускъ въ преисподнюю за псомъ Керберомъ; онъ долго не возвращался, вслѣдствіе чего его считали погибшимъ (мотивъ, заимствованный изъ перваго „Ипполита“, ср. ниже стр. 495). Этимъ воспользовался узурпаторъ изъ сосѣдней Евбен, Ликъ (ср. о немъ къ ст. 26 сл.): онъ завладѣлъ престоломъ, убилъ Креонта съ сыновьями и грозитъ смертью также и Мегарѣ съ ея и Геракла дѣтьми (рудиментъ пиндарической поправки). Въ эту трудную минуту ихъ выручаетъ неожиданно вернувшійся Гераклъ: онъ убиваетъ Лика и вызволяетъ изъ бѣды жену и дѣтей.—Въ-третьихъ (и здѣсь, думается мнѣ, сказывается разница между античнымъ и современнымъ чувствомъ), согласно магистралу предація, Гераклъ убиваетъ только дѣтей,

Мега́ра остае́тся въ живыхъ; ея предста́вители—эпики и лирики—врядъ ли использо́вали психоло́гію создава́шагося э́тимъ положе́нія. Но вотъ, въ лицѣ Еврипи́да, являе́тся психоло́гическій а́нализъ. Оба роди́теля несчастны, но несчасті́е оте́цъ, нево́льный виновникъ обоюдна́го горя. И тутъ Мега́ра выступа́етъ исти́нной геро́иней: поборовъ свои ма́теринскія чувства, она посвяща́етъ себя́ мужу, выводи́тъ его свое́й любовью́ изъ той бездны́ мрака и отчая́нія, кото́рая грози́ла его́ поглотить... Такъ, я думаю, поня́лъ бы свою́ задачу́ новѣ́йші́й поэтъ; по анти́чнымъ поня́тіямъ эту́ роль мо́гла взять на себя́ то́лько дру́жба, но не любовь. Еврипи́дъ предста́вилъ намъ Мега́ру съ оче́нь симпатично́й сторо́ны, она—геро́иня (см. къ ст. 294); но ея́ геро́измъ заверша́ется ея́ самоотверже́ніемъ. Здѣ́сь онъ ея́ пожертвова́лъ; она́ вмѣстѣ́ съ дѣ́тми гибне́тъ отъ стрѣ́лы свое́го безу́мнаго мужа. Для́ его́ нравственна́го спасе́нія и возрожде́нія онъ привле́къ не жену, а дру́га—Фесе́я. Его́ появленіе отлѣ́чено подгото́влено: спуска́ясь въ преисподню́, Гера́клъ освободи́лъ и его́ (къ ст. 619). Те́перь спасе́нный имъ дру́гъ возда́етъ услу́гой за услу́гу.

* *

*

Переводъ „Геракла“, И. О. находился подъ понятнымъ обя́заніемъ Виламови́ца, дава́ша въ сво́емъ знаменитомъ комментиро́ванномъ изда́ніи этой трагеді́и (2-ое изд. 1894) также и прекра́сный ея́ перево́дъ. Все́ же въ вида́хъ единства́ текста́ я призна́лъ желательнымъ и здѣ́сь положи́ть въ основа́ніе изда́ніе Мигга́я, что повело́ мѣ́стами къ измѣ́ненію перево́да И. О. Первымъ дѣ́ломъ пришло́сь восстано́вить стихи, неоснова́тельно, какъ мнѣ́ кажется, заподо́зрѣнные Виламови́цемъ и поэ́тому оста́вленные И. О. безъ перево́да; это́ ст. 95; 100; 588—92; 1291—93; 1299—1300; 1338—39. Кро́мь того́, по той же́, а также́ и по дру́гимъ причи́намъ, измѣ́нены слѣ́дующія́ мѣ́ста: 19—21; 31—32; 57—59; 116—17; 140—42; 147—48; 151—54; 170—87; 195—205; 211; 224—25; 229—35; 255; 262—63; 275—78; 290; 296—301; 307; 309—11; 324—26; 328—31; 336—47; 365—66; 460—62; 471—73; 480—84; 492; 497*; 514; 530—38*; 547; 552—54; 556*; 560; 565—69; 577—84; 594—97; 601—02; 606—09; 613; 632—33; 655—56*; 715—16; 721—23; 726—28; 734; 739—40; 747—48; 755—56; 777*; 819; 828; 831; 857; 928; 945; 1100; 1119—21; 1126; 1133—34; 1141; 1163; 1198; 1206; 1218—19; 1224—27; 1232—33; 1235; 1237—38; 1241—44*; 1249; 1254—65; 1284—85; 1316—18; 1328—30; 1351—51; 1373; 1393; 1397; 1406; 1417; 1421; 1424; 1427—28. Рема́рки б. ч. принадле́жатъ И. О.; нѣ́которыя прибави́лъ и я.

Ст. 1 сл. Родо́словная́ Амфи́тріона: см. выше́ стр. 451; о спартахъ см. т. I 201. Происхо́ждеіе́ Крео́нта отъ спарта́ (Э́хиона) явству́етъ изъ изображе́нной въ моемъ Софо́клѣ́ (III стр. 222) родословной.

Ст. 20. Выходи́тъ какъ́ будто́, что Еврисе́ейъ бы́лъ благодѣ́телемъ че́ловѣ́чества. Но это́-то́ и заста́вляе́тъ насъ́ думать, что́ это́го́ мотива́ у Еврипи́да—производный, т.-е. что́ онъ заимствова́лъ его́ изъ дру́гой

(„пиндарической“, см. выше) традиции, согласно которой подвиги были приказаны Гераклу Евриссеемъ съ тою же цѣлью, какъ Ясону—Пелѣемъ, Беллерофонту—Юботомъ, Персею—Полидекомъ, т.-е. съ расчетомъ, что онъ отъ одного изъ нихъ погибнетъ; заслуга Еврисея передъ человечествомъ была, такимъ образомъ, Юдиной заслугой.—Городъ Киклоповъ здѣсь, какъ и въ ст. 944, Микены.

Ст. 26 сл. Ликъ Первый былъ супругомъ злой Дирцен, мучительницы своей племянницы Антиопы, которую Зевсъ сдѣлалъ матерью еванскихъ Диоскуровъ—Амфіона и Зета; имъ онъ и долженъ былъ уступить свой престолъ (см. трагедію Еврипида „Антиопа“ въ т. VI). Ликъ Второго выдумалъ, повидимому, самъ Еврипидъ. Съ генеалогіей онъ при этомъ (ср. Софокль III 222) не считался; иначе онъ не могъ бы представить его сыномъ мужа Дирцен.

Ст. 23. Тенаръ—южный мысъ Лаконики; здѣсь находилась пещера, считавшаяся входомъ въ преисподнюю. Ср. Софокль III 253.

Ст. 39. Въ н а м ѣ р е н і и Лика убить дѣтей Геракла мы въ правѣ видѣть рудиментъ „пиндарической“ традиции (выше стр. 454), согласно которой они были убиты (по Лисимаху) „чужестранцами“.

Ст. 50. Миніи—греческое племя доисторической эпохи, главнымъ образомъ котораго былъ западный сосѣдь Эввъ—Орхомень. На самомъ дѣлѣ Орхомень былъ самостоятеленъ еще въ эпоху троянской войны; но понятно, что еванцы свою власть надъ Орхоменомъ, залогъ ихъ божіею гегемоніи, мотивировали тѣмъ, что онъ былъ уже покоренъ ихъ Геракломъ. Для Еврипида—чтобы не запутывать мифическую ссылку на исторію съ Антигоной—было естественно воспользоваться этой побѣдой Геракла надъ миніями для объясненія его положенія въ Эввахъ: бракъ съ царевной былъ наградой именно за нее.

Ст. 60 сл. Мегара намекаетъ на самый славный подвигъ Амфитріона—его походъ противъ Птерелая, царя тафійцевъ (или телебоевъ); ихъ родиной предполагался загадочный для насъ островъ Тафосъ въ Іонійскомъ морѣ. Онъ былъ убиенъ братьевъ Алкмены; послѣдовавъ за Амфитріономъ въ Эввы, Алкмена тѣмъ не менѣе запретила ему касаться ея ложа, пока онъ не отомститъ за смерть ея братьевъ. Амфитріонъ взялъ осадою Тафосъ и, сразившись съ Птерелаемъ въ единоборствѣ, убилъ его. Передъ его возвращеніемъ въ Эввы Зевсъ въ его образѣ вошелъ къ его женѣ и подарилъ ей тотъ золотой кубокъ, который въ-когда достался Птерелая отъ его отца Посидона. Такъ былъ зачатъ Гераклъ (подробности въ трагедіи „Алкмена“, см. т. VI).

Ст. 64 сл. Величаніе Креонта—подражаніе такому же его величанію у Софокла, Ант. 1161 сл.

Ст. 77 и 100—интересный намекъ на воспитательную роль народной сказки, о которой говоритъ и Платонъ въ своемъ „Государствѣ“ (кн. II р. XVII). Ср. мою книжку „Педагогическіе взгляды Платона и Аристотеля“ стр. 37.

Ст. 140.—237. Это—неутѣшительный на нашъ взглядъ, но интересный для современниковъ Еврипида агоиъ (споръ) Лика и Амфитріона о Гераклѣ. Интересъ актуальности поэтъ ему придавъ тѣмъ, что свелъ его къ спору о преимуществѣ строевого и дальнестрѣльнаго оружія. Первое (т.-е. копье, щитъ и мечъ) считалось всегда національнымъ оружіемъ грековъ; въ Лелантскую войну (VII в.) воюющія стороны даже обязались не прибѣгать къ дальнестрѣльному (луку и пращѣ). Персидская война, какъ война между греческимъ копьемъ и азіатскимъ лукомъ, еще болѣе подняла престижъ перваго; слово „стрѣлокъ“ стало даже обиднымъ (см. Софокль, Аянтъ 1120). Но возвышеніе демократіи и пролетаріата, который служилъ въ войскѣ среди легковооруженныхъ, заставило пересмотрѣть вопросъ. Лучшій полководецъ пелопоннесской войны, Демосеенъ, сынъ Алкисеена, дѣятельно заботился о развитіи легковооруженныхъ отрядовъ, и пилосская побѣда аѣнианъ въ 425 г. была результатомъ его стараній. Виламовицъ, обратившій вниманіе на это обстоятельство (I 139), видитъ въ немъ доказательство, что „Гераклъ“ былъ поставленъ во вторую половину Архидамовой войны. Дѣйствительно, драматическій интересъ сильно пострадалъ въ угоду актуальному; на соображенія Амфитріона ст. 188—203 Ликъ имѣлъ полное право отвѣтить: „я вовсе не оспаривалъ благоразумія челоуѣка, прибѣгающаго къ луку, а только его храбрость“.

Ст. 177 сл. Гигантомахія Геракла здѣсь включена въ число его подвиговъ, совершенныхъ до спуска въ преисподнюю; ея космогоническое значеніе было забыто. Ср. Софокль III 26 и прим. къ Трах. 1058.

Ст. 181. Эта элидская кентавромахія (отличная отъ ѳессалійской) представляла Геракла въ борьбѣ съ кентаврами на горѣ Фолоѣ между Элидой и Архадіей. Связное преданіе о циклѣ двѣнадцати подвиговъ, сохраненное намъ у Аполлодора II 83 сл., соединяетъ эту кентавромахію съ охотой на эриманѣскаго вепря. Кентавръ Фоль гостепріимно принялъ Геракла и угостилъ его, но другіе кентавры воспротивились этому приему, вслѣдствіе чего и загорѣлась битва.

Ст. 185. Дирфисъ—главная гора Евбен, родина Лика. И она ничего не знаетъ объ его подвигахъ—очень понятно, разъ онъ самъ былъ выдуманъ Еврипидомъ.

Ст. 212. Это первый прорывъ богоборческаго настроенія Амфитріона—и Еврипида.

Ст. 240. Одна изъ географическихъ наивностей Еврипида (хотя и не такая рѣзкая, какъ Гклд. 860, см. выше стр. 29), неизбежныхъ въ тѣ времена, когда люди не могли по каждому случаю спрапляться въ атласъ. Геликонъ—въ западной Беотіи, отдѣленъ отъ Оивъ ѳессійской и левктрійской областями; Парнассъ въ Фокидѣ—еще дальше.

Ст. 243. Ликъ намѣренъ „перехитрить боговъ“ (ср. Гклд. 258), т.-е. заставить просителей покинуть алтарь, не нарушая непосредственно пра-

ва убъжища: онъ разведеть вокругъ него такой сильный огонь, что сидѣть у него станетъ невыносимо.

Ст. 252. Последній, примирительный фазисъ преданія объ убіеніи Кадмомъ дракона, охранявшаго источникъ, и о возникновеніи спартовъ. Постепенность слѣдующая: 1) драконъ и есть Аресъ; 2) драконъ принадлежитъ Аресу, и Кадмъ, убивая его, погрѣшаетъ противъ бога (ср. фин. 934); 3) Кадмъ убиваетъ его съ его соизволенія; 4) Кадмъ убиваетъ его при его благосклонномъ участіи, при чемъ самъ богъ выламываетъ зубы у убитого и передаетъ ихъ Кадму для „людороднаго“ поѣва.

Ст. 267. По справедливому замѣчанію Виламовица, послѣ этого стиха необходимо допустить пантомиму—въ родѣ той, которую изображаетъ моя ремарка.

Ст. 290. По-гречески два слова ἀμετρούρητος ἐκλέτης—которыми Мегара устраняетъ, какъ ненужную, всю софистическую защиту Амфитріона. Вообще она здѣсь охарактеризована съ очень симпатичной стороны: гордая царица, не желающая вступать въ переговоры со счастливымъ выскочкой, и достойная супруга Геракла, ставящая его честь выше всего на свѣтѣ. Специально о ст. 294 Виламовицъ справедливо замѣчаетъ, что „это характеристика истинной супруги, уравновѣшивающая много женоненавистническихъ выпадовъ Еврипида“.

Ст. 327 сл. Гордая евзаника изъ крови спартовъ выпрашиваетъ себѣ милость у еврейскаго втируши; „это,—говоритъ Виламовицъ,—образчикъ греческой приснособляемости (Geschmeidigkeit). Такъ и Тевкръ въ „Лянтѣ“ Софокла инсинуируетъ про Одиссея, что онъ Сисифовъ ублюдокъ,—но едва онъ заступился за него, какъ онъ становится для него „Лаврта-старца мудрымъ сыномъ (ст. 1393)“. Виламовицъ въ обоихъ случаяхъ несправъ: нигдѣ Тевкръ подобной инсинуаціи себѣ не позволяетъ, что же касается Мегары, то здѣсь рѣчь идетъ о религиозномъ долгѣ. Конечно, и объ этомъ ей тяжело было просить Лика; это и заставило меня допустить комиченную въ ремаркѣ игру.

Ст. 339—47. Второй и главный богоборческій выпадъ Амфитріона. Онъ опровергается возвращеніемъ Геракла—но только на время.

Ст. 318 сл. Пѣсь о подвигахъ Геракла. Одна изъ красивѣйшихъ у Еврипида, также и по звучности своихъ ритмовъ (въ подлинникѣ). Смыслъ вступленія: „Аполлонъ свою счастливую пѣснь завершаетъ жалобнымъ припѣвомъ (αἰλιπον); я же, наоборотъ, свой плачь объ умершемъ хочу соткать изъ пѣсенъ, прославляющихъ его доблесть“. Подъ „пѣсню Аполлона“ разумѣется кивародическій номосъ, получившій свое развитіе именно въ культѣ Аполлона; образецъ такового, и какъ разъ съ припѣвомъ „αἰλιπον, αἰλιπον“ взывай, но благо да побѣдитъ!“ сохраняеть намъ въ пародіи Эскилова „Агамемнона“.—Затѣмъ перечисляются слѣдующіе подвиги: 1) Борьба съ немейскимъ львомъ („роща Кронида“—Немея съ ея храмомъ Зевса). 2) Кентавромахія, этотъ разъ (ср. къ ст. 181 сл.) вессалийская. Собственно ея герои—Перионой, Кефей,

Несторъ и др.; но разъ Гераклъ былъ признанъ истребителемъ кентавровъ вообще, то его перенесеніе изъ элидской кентавромахи въ вессалийскую было неизбежнымъ. 3) Охота на керинейскую лань. 4) Походъ за четверкой Діомеда; о ней ср. къ Алк. 481 сл. 5) Единоборство съ разбойникомъ Кикломъ; о немъ тоже ср. къ Алк. 499 сл. 6) Добываніе молодильныхъ яблокъ Гесперидъ. 7) Борьба съ Тритономъ въ Большомъ Сиртѣ, понятая здѣсь какъ торжество надъ бурными морями запада. 8) Смѣна Атланта въ песеніи небеснаго свода. 9) Походъ противъ амазонокъ, чтобы добыть поясъ ихъ царицы; (ср. о немъ къ Гклд. 215). 10) Борьба съ лернейской гидрой. 11) Борьба съ трехглавымъ Геріономъ. 12) Спускъ въ преисподнюю за Керберомъ—по мнѣнію хора, роковой для героя.—Этотъ еврипидовскій циклъ не вполнѣ совпадаетъ съ каноническимъ; отсутствуютъ приключенія съ птицами-Стимфалидами, съ критскимъ быкомъ и съ эриманескимъ вепремъ, зато прибавлено укрощеніе Кикла, и приключенія съ Тритономъ и Атлантомъ, обыкновенно соединяемыя съ Гесперидами, выдѣлены въ особые подвиги. Слѣдуетъ обратить вниманіе, какъ Еврипидъ вездѣ, гдѣ это возможно, подчеркиваетъ гуманитарное значеніе подвиговъ, выставляя Геракла умиротворителемъ земли и моря.

Ст. 460 сл. Красивая семейная картинка. Раздѣлъ естественный: старшему—наслѣдственное царство отца, аргосское (и львиную шкуру); среднему—наслѣдственное царство матери, оиванское (и палицу, которая, къ слову сказать, и въ историческое время была своего рода гербомъ Оивъ); младшему—благопріобрѣтенное царство эхалийское (и то, чѣмъ оно пріобрѣтено, лукъ и стрѣлы). Послѣднее особенно ясно доказываетъ, до какой степени здѣсь исключается мнѣніе „Трахинянокъ“: эхалийскій походъ—одинъ среди многихъ, его роковое для Геракла значеніе устранено.

Ст. 480 сл. Развитый здѣсь мотивъ часто варьируется и въ литературѣ, и въ надгробныхъ надписяхъ, но эта варіація—одна изъ самыхъ красивыхъ. Древніе при своемъ здоровомъ отношеніи къ жизни признавали особенно горестной смерть неженатыхъ (или незамужнихъ); для нихъ похороны замѣняли свадьбу. Для дѣтси Геракла цвѣстами стали хищницы во мглѣ, въ подлинникѣ Керы, крылатая вѣстница смерти, похищающія людей; такъ какъ онъ—исчадія ада, то богъ послѣдняго сталъ святомъ для Амфитріона.

Ст. 490 сл. Здѣсь—крайнее напряженіе аффекта: и Мегара и Амфитріонъ требуютъ чуда—первая у подземныхъ боговъ, второй—у Зевса. Этотъ несомнѣнный параллелизмъ подсказалъ мнѣ данное въ переводѣ толкованіе ст. 497, въ которомъ я расхожусь и съ Вилямовицемъ и съ другими, въ согласіи съ которыми И. Э. такъ переводилъ этотъ стихъ:

Ну, дочь моя, послѣднія твори
Приготовленья къ смерти—

(при чемъ остается неяснымъ, что это за приготовленія), а равно и всѣ ремарки къ этой патетической сценѣ; онъ же освободилъ меня также отъ

необходимости переставлять ст. 562 послѣ 497, въ чемъ И. Θ. также послѣдовалъ за Вилламовицемъ.

Ст. 527. Это мѣсто (буквальный переводъ: „я вижу мою жену въ толпѣ мужчинъ“) приводится противъ ходячей теоріи, будто уже въ V в. хоръ („на оркестрѣ“) былъ отдѣленъ отъ актеровъ („на сценѣ“), т.-е. другими словами, противъ существованія возвышающейся надъ оркестрой сцены. Оно вполне доказательно.

Ст. 531—34. Чередованіе дѣствующихъ лицъ прекрасно возстановилъ Марри, отчасти по слѣдамъ рукописной традиціи. Гераклъ ижно любить жену, но онъ, образецъ рыцарства, прежде всего— почтительный сынъ.

Ст. 538. Аполлонъ призывается какъ отвратитель зла.

Ст. 553. Эта маленькая черта принадлежитъ, вѣроятно, самому Еврипиду. Итакъ, Еврисею былъ коспеннымъ виновникомъ опасности семьи Геракла; это способствуетъ обращенію противъ него безумной мысли Геракла въ ст. 936.

Ст. 556. Здѣсь я не могъ принять рукописнаго текста, которому слѣдуетъ Марри; переводъ И. Θ., слегка только исправленный мною (вм. „Стыдъ? развѣ Ликъ знакомъ съ богиней этой?“—но вѣдь „стыдъ“ не „богиня“, и греч. слово αἰδώς часто соотвѣтствуетъ нашему „честь“ ср. къ Инп. 73 сл.), справедливо основанъ на коньектурѣ Скалигера, принятой Вилламовицемъ и др.

Ст. 562 сл. Обратитъ вниманіе на психологію. Здѣсь—первый припадокъ бѣшенства Геракла, усмиранный ласковымъ и умнымъ словомъ Амфитріона ст. 599 сл. Но онъ готовится насъ къ тому второму, который будетъ для него роковымъ.

Ст. 588—592. Вилламовицъ въ краткомъ намекѣ подмѣтилъ поразительное сходство этого описанія съ характеристикой катилларцевъ у Цицерона (in Catil. II 19). Съ его доводами противъ подлинности этого интереснаго мѣста я не могу согласиться. Амфитріонъ сначала пытается воздѣйствовать на благоразуміе сына; видя, что это напрасно, онъ обращается къ его религіозному чувству ст. 599 сл.

Ст. 596. Объ этой интересной примѣтѣ см. Софокль III 201 отр. I.

Ст. 612. Интересный рудиментарный мотивъ. Первоначальный мнѣя понимаетъ борьбу Геракла съ Керберомъ, теріоморфическимъ богомъ смерти, какъ настоящую борьбу и одержанную силой побѣду. Затѣмъ Керберъ сталъ только псомъ-стражемъ преисподней, и борьба съ нимъ Геракла, оставаясь борьбой, стала простымъ проявленіемъ силы и удала, въ сущности безцѣльнымъ, такъ какъ иса все равно пришлось отпустить. Потомъ этимъ мотивомъ воспользовались элевсинскія мистеріи: Гераклъ сталъ однимъ изъ посвященныхъ, дорогимъ гостемъ Кору-Персефоны, которой онъ, конечно, не могъ отплатить за гостепримство похищеніемъ ея собаки—ясное дѣло, что она просто позволила ему ее увести. Но такъ какъ этимъ умалится значеніе подвига, то Еврипидъ, сохраняя,

какъ авинянннцъ, фактъ посвященія, виднть въ немъ только залогъ успѣшности борьбы, которая все-таки была настоящей борьбой.

Ст. 615. Городъ Гермонъ въ Арголидѣ на Сароническомъ заливѣ правилъ старинный культъ богини Хтонн, г.-е. Земли, понимаемой, однако, въ своемъ мрачномъ значенн какъ обнтели мрака. Здѣсь, по преданно (не единодушному, однако), вышелъ на свѣтъ Гераклъ изъ преисподней, куда онъ спустился черезъ „жерло Тенара“.

Ст. 619. Освобожденіе Тесея было, вѣроятно, подробнѣе описано въ „Ипполитѣ“ (первомъ) и—несомнѣнно—въ „Пернеоѣ“ (см. т. VI); здѣсь краткій намекъ Геракла подготавливаетъ его роль въ исходѣ нашей трагедн.

Ст. 621. Все здѣсь дышитъ символизмомъ: слѣдуетъ помнить, что домъ Геракла будетъ смертоноснымъ для его дѣтей, что его бодряя слова „будетъ веселѣе возвращеніе вамъ, чѣмъ выходъ“ окажутся трагической ироніей. Въ безсознательномъ страхѣ дѣти сопротивляются Гераклу, они боятся войти въ домъ, откуда имъ уже не суждено выйти. Здѣсь будетъ умѣстно вспомнить и о тревожной примѣтѣ ст. 596, предвѣщавшей Гераклу „несчастье въ домѣ“: онъ считаетъ ее уже исполненной опасностью дѣтей, счастливо миновавшей, а между тѣмъ ея исполненіе еще только впереди; на него указываетъ страхъ дѣтей, и самоувѣренный Гераклъ этого не замѣчаетъ. Другіе примѣры такой же близорукости: Астіагъ въ своемъ отношенн къ Киру у Геродота I 107 сл. и, въ подражаніе Геродоту, Пріамъ въ своемъ отношенн къ Парису въ „Александрѣ“ Софокла (Софоклъ III 273 сл.).

Ст. 637 сл. Вышшимъ поводомъ къ этой красивой хорической пѣснн было сознаніе, что молодому (по-античному, т.-е. примѣрно сорокалѣтнему) Гераклу удалось принести своей семьѣ ту помощь, для которой Амфитріонъ и старики хора были безсильны. Но мы чувствуемъ, что устами хора здѣсь говорить самъ Еврипидъ; а кто не даетъ намъ возможности датировать эту трагедію много раньше 420 г., когда ему исполнилось 60 лѣтъ. Эта улика, въ связи съ указанной къ ст. 140 сл., заставила толкователей признать 420 г. приблизительнымъ годомъ постановки „Геракла“.

Ст. 649 сл. Буквальный переводъ: „мрачную, убійственную старость я ненавижу; пусть она сгинетъ въ морскихъ волнахъ“ и т. д. Таково чтеніе рукописей, удержанное Марри; не вижу основанія измѣнять съ Виламовицемъ *φόνος* въ *φθονός* („завистливую“). И. Θ. слѣдуетъ Виламовицу; все же я не рѣшился коснуться его красиваго, хотя и вольнаго перевода, и ограничиваюсь этой оговоркой.

Ст. 655—56. Расходясь въ пониманн этого мѣста съ Виламовицемъ и И. Θ., я измѣнилъ переводъ, такъ какъ онъ явно искажаетъ смыслъ:

Если-бъ богъ о насъ думалъ на небѣ,
Да умнѣй были-бъ люди.

(Виламовицъ: *Wär in dem Himmel vernünftiges Einsehn und bei den Menschen gesunder Verstand*). Никомъ образомъ утопн поэта—дарованіе лучшимъ людямъ второй жизни—не можетъ быть поставлена въ зависи-

мость отъ того, чтобы люди вообще были умнѣе. Въ текстѣ стоитъ: εἰ δὲ θεοὶς (ср. Илл. 1105) ἢ σύνεσις καὶ σοφία κατ' ἀνδρας. Это значитъ: εἰ εἰ θεοὶ κατ' ἀνδρας (раздѣлительно) σύνεσις καὶ σοφία ἔσται, καὶ μὴ ἄλλοθεν καθόλου—т.-е. „если бы боги были промыслительны и мудры примѣнительно къ каждому чело- вѣку въ отдѣльности=если бы они индивидуализировали людей, а не мѣрили всѣхъ на одну мѣрку“. Сама утопiя (которую можно сравнить съ родственной въ „Ипполитѣ“ ст. 616 сл.) въ духѣ той народной мудрости, которая сказалась въ критикахъ Мома; въ сущности она откровенно высказы- вается ту же мысль, которую Ибсенъ символически выражаетъ въ заключенiи своего Peer Gynt (въ сценѣ съ пуговщикомъ).

Ст. 688 сл. Въ упоминанiи Делиадъ видѣли такую же намѣренность, какъ и въ „Гекубѣ“ ст. 463 (ср. къ этому мѣсту) и старались извлечь изъ него хронологическую улику (послѣ 425 г.). Все же она здѣсь менѣе рѣзка.

Ст. 721. Съ этой (здѣсь, конечно, притворной) щепетильностью полезно сравнить подозрѣнiе Макарии Гклад. 558.

Ст. 777. Виламовицъ съ большимъ жаромъ также и въ новомъ изданiи отстаиваетъ свою — дѣйствительно остроумную — конъектуру ὑρέω... ῥέωλον (см. τὸ πάλιν) и подкупилъ ею И. Ф., переводящаго:

Но лишь палицу время подыметъ,
Задрожитъ забывшiй про бога;
И летитъ съ высоты колесница,
Вся обрызгана грѣшною кровью.

Марри, напротивъ, не удостаиваетъ ея даже упоминанiя въ аппаратѣ, сохраняя τὸ πάλιν—и онъ правъ. Виламовицу такъ и не удалось доказать, чтобы палица когда-либо считалась атрибутомъ времени; съ другой стороны онъ съ непонятнымъ для меня упорствомъ отказывается признать мѣстное значенiе нарѣчiя πάλιν („вспять“, „обратно“, а не „снова“) и здѣсь, и выше ст. 735, и Pind Ol. X 86 и т. д. Съ его признанiемъ все ясно. Поэтъ имѣетъ въ виду распространенное сравненiе съ двойнымъ про- бѣгомъ (δίπλοος) колесницы туда и обратно: мчась туда, чело- вѣкъ не рѣшается думать объ обратномъ бѣгѣ, на которомъ его и настигаетъ судьба—онъ грѣшитъ, не думая о воздаянiи. По той же причинѣ неу- мѣстно и „съ высоты“, котораго въ подлинникѣ пѣтъ.

Ст. 815 сл. Ли с с а. Ее впервые, насколько мы знаемъ, ввелъ въ ли- тературу Эсхилъ въ своихъ „Чесальницахъ“ (см. Евр. т. I стр. 200), гдѣ была изображена смерть Пенеея подъ руками его безумной матери Агавы и прочихъ вакханокъ; такъ какъ вазовыя изображенiя вводятъ ее также и въ мнѣя объ Актеонѣ, Ликургѣ и Ипполитѣ, то вѣроятно, что и здѣсь трагическiе поэты (Эсхилъ въ „Лучницахъ“ и „Юношахъ“, Софокль въ „Федрѣ“) были учителями вазописцевъ. Если судить по аналогiи Эриний въ „Орестеѣ“, то можно допустить, что Эсхилъ и въ этой фигурѣ сумѣлъ выдержать характеръ мрачной величавости, который требуется для этой богини: съ виду отвратительна, по дѣйствию ужасна. Къ ней-то,

къ Лиссѣ Эхила, и подходить то ея описаніе, которое даетъ И. Э.: Лиссу Еврипида мы, какъ доказываютъ вазы, должны представить себѣ на подобіе позднѣйшаго типа Медузы, съ чертами дикими, но не лишеными строгой красоты. Она не просто олицетворенное безуміе—она богиня безумія, посылающая его, но могущая и не послать. Прежде чѣмъ повиноваться, она сопротивляется—что было бы невозможно для Лиссы Эхила; современный читатель припомнитъ роль Кундри въ „Парсифаль“ Вагнера.

Ея генеалогія способна насъ расколдовать, но въ ней есть глубокий смыслъ. Она принадлежитъ къ поколѣнію „старыхъ“ боговъ, подобно Эриніямъ Эхила; такъ какъ Зевсъ „повелѣлъ смертныхъ по стезѣ сознанія“, то всѣ подсознательныя силы принадлежать старому поколѣнію, возникшему раньше, чѣмъ сталъ свѣтъ—тогда, когда еще ночь покрывала небо: онѣ—дочери Неба и Ночи.

А впрочемъ, въ ея введеніи проявился тотъ же „законъ двойного зрѣнія“, о которомъ мною сказано въ другомъ мѣстѣ (Софокль I 32). Всѣ элементы для „естественнаго“ объясненія безумія Геракла были налицо. Онъ долго блуждалъ среди ужасовъ подземнаго царства; вернувшись, онъ засталъ свою семью въ страшной опасности—виновникомъ и того и другого страданія былъ Еврисей. Ему пришлось только что убить человѣка: „пролитая кровь туманитъ человѣчeskій разумъ“, говорили древніе (см. ст. 964), „всякое убійство есть психозъ“, говорятъ новѣйшіе. Такова земная причинность, вполне себѣ довлѣющая. Но „законъ двойного зрѣнія“ видитъ надъ земною причинностью и небесную, параллельную ей; согласно этой небесной причинности всякое земное событіе—результатъ божьей воли, имѣющей свое самобытное основаніе, иногда извѣстное намъ, иногда нѣтъ. Событіе, разрушившее жизнь Геракла, могло имѣть виновникомъ только то божество, которое всегда ему было враждебно—Геру. Мы съ этимъ трудно миримся; но поэту его „небесная причинность“ дала новый матеріалъ для его излюбленнаго апитензма (ст. 1303 сл.).

Ирида хорошо очерчена какъ настоящая служанка, но служанка важная, ставящая себя рядомъ со своей госпожей. Достаточно ли этой черты, чтобы оправдать ея введеніе, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. Но Лисса положительно хороша—и перель дѣломъ, и въ дѣлѣ. Интересно прослѣдить, сколькими картинками поэтъ поясняетъ ея дѣятельность (Вилам. I 194): Она—охотница, и Гераклъ—ея жертва; она—возница, впрягающая Геракла въ свою колесницу; она—флейтистка и заставляетъ Геракла плясать подъ ея игру; она—опьянѣніе, но не радостно-вакхическое, а смертоносное, дѣлающее свою жертву „вакхантомъ ада“ (ст. 1119).

Ст. 904—09. Я не тронулъ принятаго И. Э. (по почину Виламовица) распредѣленія этихъ словъ между Амфитріономъ и хоромъ, но признаю болѣе вѣроятнымъ то, которое—отчасти по предложенію Верроля (Verrall)—ввелъ въ свое изданіе Марри. Согласно ему Амфитріонъ остается въ

домъ; землетрясение и частичное разрушение его вызываютъ крикъ ужаса и хора (словъ „бѣгите, старцы!“ въ подлинникѣ нѣтъ). Затѣмъ появленіе Паллады и дикій крикъ Г е р а к л а изъ дворца „А! А! Что дѣлаешь ты, дочь Зевса, во дворцѣ? Адскій ужасъ вводишь ты въ домъ, какъ иѣкогда противъ Энкелада!“ Въ устахъ Геракла эти слова особенно умѣстны: вѣдь Энкеладъ былъ гигантомъ, противникомъ Аенны въ той гигантомахіи, въ которой онъ, Гераклъ, тоже принималъ участіе—онъ это, значить, помнить. Теперь она огромнымъ камнемъ угрожаетъ ему: онъ сталъ для нея Энкеладомъ. Отсюда его ужасъ—мгновенное отрезвленіе въ смертельной опасности, какъ и у Пенѳа (Вакх. 1112 сл.). Затѣмъ камень летитъ, и Гераклъ падаетъ.

Этотъ камень, къ слову сказать, и въ историческое время показывался въ Фивахъ близъ дома Геракла; его звали „камень отрезвленія“ (*λίθος σωφρονιστήρ* Paus. X 29).

Ст. 928. Намекается на обрядъ освященія воды погруженіемъ въ нее взятой съ алтаря головни; этой водой потомъ окроплялись участвующіе въ жертвоприношеніи, каковымъ актомъ имъ удѣлялась исходящая отъ него благодать.

Ст. 945. Еврипидъ ошибается, представляя себѣ „циклопическую“ кладку такую же правильной, какъ и кладка мраморныхъ кварталъ Пареснона: она была, какъ это понынѣ видно, полигональной и неправильной. Онъ иѣкогда Микенъ не видалъ.

Ст. 977 сл. Скрываясь за колонной, мальчикъ старается, чтобы она всегда оставалась между нимъ и его безумнымъ отцомъ. Последній, напротивъ, хочетъ съ нимъ вмѣстѣ оказаться по одну сторону колонны. Поэтому онъ бѣгаетъ вокругъ нея, постоянно мѣняя направленіе; мальчикъ продѣлываетъ тѣ же движенія, только въ обратномъ смыслѣ. Наконецъ онъ сбивается и попадаетъ отцу на глаза. При этомъ Гераклъ находится во дворѣ, мальчикъ въ галлерей между колоннадой и стѣной. Галлерей эта настолько узка, что онъ падая ударяется головой объ „устой“ (въ подл. „ортостать“) стѣны. Ортостатами назывались квадраты лижяго ряда въ стѣнѣ; онѣ были поставлены ребромъ (отсюда имя) и поэтому вдвое выше противъ горизонтальныхъ кварталъ прочей кладки.

Ст. 1016 сл. Это—стасимъ воспоминаній: настоящее несчастье отбѣяется схожими несчастьями прошлаго, либо ради утѣшенія (какъ Соф. Алт. 942 сл.), либо ради усугубленія чувства горя, какъ Соф. Фил. 676 сл., и здѣсь: ужаснымъ было дѣло Данаидъ, ужаснымъ дѣло Прокны, но это еще ужаснѣе. Данаиды по наущенію отца убили въ брачную ночь навизанскихъ имъ жениховъ—Египціадовъ; но вѣдь это были чужіе люди. Прокна, оскорбленная въ своихъ чувствахъ супруги и сестры, убила своего малютку-сына; да, но вѣдь только одного. Первое дѣяніе было содержаніемъ „Данаиды“ Эсхила, изъ которой намъ сохранилась только первая трагедія, „Просительницы“; второе—не сохраненнаго „Терея“ Софокла (см. Софокль III 363 сл.). Интересна подробность, что младенцевъ

быль принесенъ въ жертву Музамъ; она прекрасно укладывается въ мнѳопею Софокловой трагедіи. Конечно, чтобы угостить отца плотью якобы убитаго ягненка, нужно было воспользоваться праздникомъ. Праздникъ въ „Терей“ былъ вакхическимъ; но во Эракіи культъ Музъ былъ соединенъ съ культомъ Діониса, какъ доказываетъ „Ликургей“ Эсхила (см. Евр. т. I 197 сл.).

Ст. 1028 сл. Эта сцена и слѣдующія происходятъ внутри дома Геракла и все-таки видны зрителямъ; то же явленіе мы имѣемъ у Софокла въ „Аянтъ“ ст. 346 сл. Дѣлалось это при помощи т. наз. „эккиклемы“—загадочной для насъ машины.—По содержанию она вызываетъ сравненіе со сценой болѣзни Геракла въ „Трахинянкахъ“ Софокла. Параллелизацію провели подробно А. Дитерихъ въ журналѣ *Rheinisches Museum* XLVI 20 сл. съ цѣлю доказать приоритетъ Еврипида и затѣмъ я въ журналѣ *Philologus* IV 626 сл. съ противоположнымъ результатомъ.

Ст. 1077. О походѣ Амфитріона противъ тафійцевъ см. къ ст. 60 сл.

Ст. 1109. Мотивы сцены отрезвленія Геракла поэтъ позднѣе воспроизвелъ въ сценѣ отрезвленія Агавы, Вакх. 1259 сл.

Ст. 1154. О родствѣ Эсеея съ Геракломъ ср. родословію на стр. 444.

Ст. 1163. Въ этомъ стихѣ—политическая тонкость, несомнѣнно замѣченная авіянцами эпохи пелопоннесской войны. Войско оставляется у границы страны; итакъ, таковой Эсеей считаетъ Асопъ, рѣку восточной Беотіи, а не горную цѣпь Киѳерона, естественную границу между Беотіей и Аттикой. Это потому, что между Асопомъ и Киѳерономъ лежала платенская область, съ давнихъ поръ союзная съ Аѳинами. За этотъ союзъ Платені пострадали въ началѣ войны, будучи разрушены ѳиванцами.—По той же причинѣ, вѣроятно, и въ ст. 240 не названъ Киѳеронъ.

Появленіе Эсеея мотивировано очень удачно. Освобожденный Геракломъ изъ преисподней, онъ ст. 621 разстался съ нимъ, отправившись, надо полагать, моремъ изъ Герміона въ Аѳины. Тамъ онъ узналъ объ узурпаціи Лика и объ опасности семьи Геракла и теперь приходитъ ей на помощь. Свою рать онъ предусмотрительно привелъ къ ѳиванской границѣ такъ же, какъ Гилд. 276 Еврисѳей свою—къ аттической. Видя теперь дѣтей убитыми, онъ боится, не опоздалъ ли онъ.

Ст. 1188—90. И. Э. принявъ (очень правдоподобную) перестановку Вилаговица, возстановляя потерянный стихъ (напечатанный мною по обыкновенію курсивомъ).

Ст. 1194. „На выжженныхъ нивахъ“—этимологическій переводъ греческаго *Φλεγρῶν γεδίον*. Эта мнѳологическая Флегра была локализована либо на Палленѣ въ Халкидикѣ, либо въ вулканической мѣстности къ сѣверу отъ Неаполя, т.-е. наличие „горѣлаго поля“ наводила на представленіе, что оно было мѣстомъ гигантомахіи.

Ст. 1218. Идея самодовлѣющей скверны. Гераклъ дѣлаетъ Эсеею рукою знакъ, чтобы онъ не приближался, изъ боязни, что онъ, оскверненный дѣтоубійствомъ, можетъ заразить этой скверной друга. Подобнымъ

опасенія и у Эдипа Колокоцаго ст. 1132 сл. Но Эсесей у Еврипида великодушнѣе, чѣмъ у Софокла — очень понятно, такъ какъ долгъ благодарности благодѣтелю, дѣйствующій здѣсь, у Софокла отсутствуетъ.

Ст. 1232. Интересно, что Софокль влагаетъ ту же мысль въ уста безбожному Креонту Ант. 1043: „Не властенъ смертный бога осквернить!“ Правда, онъ дѣлаетъ это въ трагедіи, поставленной двадцатью годами раньше „Геракла“ — а афинское сознание тогда быстро прогрессировало См. Софокль II 344.

Ст. 1241. Не могу тутъ, подобно Марри, вернуться къ чтенію рукописей *κατάμιν* („такъ, я приготовился умереть“ — фраза, предвосхищающая ст. 1247 и не согласующаяся съ отвѣтомъ Эсесей). Конъектура Вейля *καὶ κρατῆν* (или нѣчто въ этомъ родѣ) и *μιν*, какъ и Вилламовицу, кажется необходимой. Не знаю, какое чтеніе имѣлъ въ виду И. Э., переводя:

Такъ знай, ея сейчасъ со мной не будетъ.

Но и эта мысль не вяжется съ отвѣтомъ Эсесей.

Ст. 1243. Ср. такую же гордость Аянта у Софокла ст. 589.

Ст. 1255—1339. Это второй агонъ нашей трагедіи, менѣе правильный, чѣмъ первый, и болѣе драматическій; неправильность заключается въ томъ, что Эсесей, отвѣчая Гераклу, со ст. 1322 переходитъ къ другой мысли, движущей трагедію впередъ, такъ что агонъ оканчивается не оконченнымъ — чему съ драматической точки зрѣнія можно только порадоваться. Къ тому же и Геракль ст. 1340 позволяетъ себѣ реплику.

Дѣленіе рѣчи Геракла каноническое: 1) вступленіе ст. 1255—57 съ обозначеніемъ темы; 2) *κατάμιν* ст. 1258—80: моя жизнь — цѣль несчастій. Перечисляются: а) оскверненность Амфитріона (по другому варианту, чѣмъ тотъ, о которомъ сказано выше, къ ст. 60), б) оборотная сторона рожденія отъ Зевса — гнѣвъ Геры (съ красивымъ антигнестическимъ обращеніемъ къ Амфитріону), сказавшійся въ нападеніи змѣи, в) подонки, разсматриваемые здѣсь какъ тяжелые грузы, г) дѣтоубійство; 3) *κατάμιν*, ст. 1281—1302: какой исходъ? никакого нѣтъ; 4) заключеніе ст. 1303—10: пусть же торжествуетъ Гера! — По настроенію родственникѣ всѣхъ рѣчь Аянта въ такомъ же положеніи и съ такимъ же выводомъ ст. 430—480.

Ст. 1285. Геракль „изгнанъ изъ Аргоса“ какъ сынъ изгнанника Амфитріона (выше къ ст. 20), не исполнившій всѣхъ условій возвращенія.

Ст. 1286 сл. Здѣсь мы узнаемъ мотивъ, извѣстный намъ изъ „Алкесты“ ст. 950 сл.

Ст. 1298. Ось Иксионтъ см. Софокль III 381 и Евр. т. VI.

Ст. 1315. Здѣсь Эсесей повторяетъ въ смягченной формѣ, согласно своему благородному характеру, яркія соображенія несчастливой кормилицы изъ Ипполита (ст. 453 сл.).

Ст. 1322. „Обычай“ велитъ убійцѣ оставить страну (объ этомъ зародившѣ всего мнѣа см. выше стр. 453).

Ст. 1323 сл. Все дальнѣйшее вольный вымыселъ Еврипида; мнѣмъ ничего не знаютъ о томъ, чтобы Гераклъ кончилъ свою жизнь въ Аѳинахъ; Понятно, что поэту не удалось этимъ вымысломъ вытѣснить потрясающую легенду о смерти героя на эгейскомъ кострѣ. Но этиологически этотъ вымыселъ проведенъ очень остроумно. Поэтъ имѣлъ въ виду вопросъ, вѣроятно, не разъ задававшійся: какъ объяснить, что въ Аттікѣ, объединенной Эсеемъ, такъ много святиль Геракла и почти нѣтъ святиль Эсея? Историческое объясненіе: „тѣмъ, что культъ Эсея, распространенный главнымъ образомъ Кимономъ, сравнительно недавняго происхожденія, между тѣмъ какъ Гераклъ—геэллискій, а потому и атичскій герой“—не согласовалось съ тѣмъ значеніемъ, которое получала Эсеей за послѣднее поколѣніе м. пр. благодаря трагедіи. И вотъ Еврипидъ отвѣчаетъ: у Эсея было много удѣловъ повсюду въ Аттікѣ, но онъ изъ дружбы уступилъ ихъ Гераклу.

Ст. 1327. Критскій быкъ здѣсь—Минотавръ.

Ст. 1340—46. Знаменитое мѣсто, которое мы съ удовольствіемъ сравниваемъ съ Платономъ, особенно въ „Евтифронѣ“ р. 6. Но не разрушаетъ ли Еврипидъ этой философской религіей фундамента, на которомъ онъ построилъ также и эту трагедію? Нѣтъ, земная причинность остается, такъ же какъ и земной отецъ Геракла, признанный въ ст. 1265, и оба самодѣляющіе.

Ст. 1347 сл. И это мѣсто пріятно сравнить съ Платономъ, а именно съ „Федономъ“ р. 62, гдѣ самоубійца уподобляется воину, самовольно оставляющему свой постъ. Вообще вдумчивый читатель много найдетъ въ этой бесѣдѣ обоихъ друзей, этомъ примирительномъ „этическомъ“ заключеніи патетической трагедіи.

Ст. 1354 сл. „Единственная слеза Геракла“ — знаменитый поэтический мотивъ, перѣдко, повидимому, встрѣчавшійся; изъ сохранныхъ поэтовъ классической эпохи ее, кромѣ Еврипида, знаетъ Софокль (Трах. 1072) и Вакхидъ (V 155), при чемъ она вездѣ мотивируется различно.

Ст. 1362 „Грехень (тоже дѣтубійца):

А малютку мнѣ къ правой груди;
Вѣдь никто со мной лежать не будетъ...

Не скоро найдешь въ античной поэзи другую такую черту; зато мы имѣемъ надгробные памятники, представляющіе тихое счастье семейной жизни“. Вилламовицъ.

Ст. 1403. Напечатанный курсивомъ стихъ, отсутствующій въ рукописяхъ, дополненъ И. О.—Марри пробѣла не признаеть, но безъ него портится стихомовіе.

1406. Такое „возвращеніе“ повидимому было ходячей чертой въ прощаніи; ср. Соф. Э. К. 1724.

Ст. 1421. О переселеніи Амфитріона въ Лѳины преданіе подавно ничего не знаетъ; напротивъ, его гробницу показывали въ Фивахъ. Ср. выше стр. 8.

VII. ЕЛЕНА.

Введение къ этой трагедіи п. загл. „Елена и ея маски“ было найдено въ бумагах покойнаго И. Ф. и печатается здѣсь впервые, съ немногими измѣненіями редакціоннаго характера. Въ дополненіе къ нему считаю полезнымъ и здѣсь дать краткій очеркъ развитія того варианта мѣта, которому слѣдуетъ поэтъ.

1) Согласно возобладавшей версіи Гомера и киклическихъ „Кипрій“ Александръ-Парисъ, присудивъ въ спорѣ богинь Афродитѣ первенство въ красотѣ, по ея внушенію похищаетъ Елену и привозитъ ее въ Трою, гдѣ она дѣлается его женой.

2) Согласно тому же Гомеру (Одиссея п. IV) Менелай, добывъ Елену изъ взятой Трои, долго съ ней скитается, причѣмъ вѣтры заносятъ его и въ Египетъ. Покидая эту страну, онъ забываетъ принести жертвы богамъ; за это у острова Фароса, отстоящаго отъ Египта на одинъ день благопріятнаго плаванія“ (ст. 356), вѣтеръ внезапно затихъ. Двадцать дней прождалъ онъ съ товарищами, припасы истощились; тутъ надъ нимъ скалилась морская нимфа Идоэя, дочь вѣщаго морского бога Протея; относясь къ этому своему отцу не особенно нѣжно (ст. 387), она учитъ Менелая, какъ ему завладѣть его особой, улучивъ минуту, когда онъ ляжетъ отдыхать со своимъ стадомъ моржей. Менелай исполняетъ ея совѣтъ, несмотря на то, что Протей постоянно мѣняетъ свой образъ, и узнаетъ отъ него, какъ ему умиловитъ гнѣвъ боговъ. Затѣмъ онъ уѣзжаетъ и уже ни Протея, ни Идоэи болѣе не видитъ.

3) Гесіодъ—повидимому, въ своихъ „Каталогахъ“—далъ не только исторію сватовства, но и исторію похищенія Елены, вообще по гомерической версіи, но съ однимъ новымъ мотивомъ, б. м. народнаго происхожденія. А именно: желая по возможности облегчить побѣгъ Елены, Афродита создаетъ ей призракъ, который остается въ домѣ Менелая, вводя въ заблужденіе и домочадцевъ, и вернушагося супруга. Лишь когда преступная чета достигаетъ Трои, „летучій призракъ испаряется въ эфиръ“ и Менелай уѣзжаетъ искать исчезнувшую жену.—Этотъ мотивъ позднѣе воспроизвелъ со свойственной ему загадочностью Ликофронъ въ своей „Александрѣ“ (ст. 822), причѣмъ его схоластъ ссылается на Гесіода; его же имѣетъ въ виду и Эсхилъ (Агам. 414). Воспользовалось имъ и христіанство: замѣняя по своему обыкновенію Афродиту Дѣвой Маріей, оно создало одну изъ своихъ самыхъ чудныхъ легендъ Marie la tourière—обработанную Готфр. Келлеромъ въ его „Семи легендахъ“ и недавно Матерликомъ въ его „Сестрѣ Беатрисѣ“.

4) Лирической поэтъ VII в. Стесихоръ въ своей (потерянной) „Еленѣ“ слѣдовалъ въ изображеніи судьбы героини общепринятой гомерической версіи; за это, говоритъ легенда, его постигъ гнѣвъ Диоскуровъ, братьевъ Елены, и онъ лишился зрѣнія. Узнавъ о причинѣ своего несчастья, онъ сочинилъ г. наз. „Палинодію“, въ которой выставилъ Елену вѣрной женой, не послѣдовавшей за обольстителемъ въ Трою. Подробности намъ